

ОДИННАДЦАТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЕВ

Сборник рассказов

Перевод с английского

Ингерсолл Локвуд

Одиннадцать возможных случаев. Антология

<https://litres.ru/74415918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нью-Йорк, 1891 год. Одиннадцать разных авторов — от классика авантюрной прозы Ингерсолла Локвуда и Фрэнка Стоктона до основательницы детективного жанра Анны Кэтрин Грин — пишут рассказы, объединённые общим замыслом: показать происшествие, которое могло бы случиться на самом деле, хотя случается нечасто. На страницах сборника — дуэль и тайное общество в готическом Новом Орлеане, спиритический сеанс, раскрывающий тайну кораблекрушения, проклятое наследство, кочующее по несчастным владельцам, взломщик, угодивший в собственную ловушку, и апокалипсис, увиденный через ленту телеграфных сводок. Мелодрама соседствует с чёрным юмором, детектив — с готикой, а комедия нравов — с ранней катастрофической прозой. Живой срез вкусов американца на исходе девятнадцатого века.

1. Франклин Файлз
2. Фрэнк Р. Стоктон
3. Джоакин Миллер

4. Q.
5. Морис Томпсон
6. Ингерсолл Локвуд
7. Эдгар Фосетт
8. Брейнард Гарднер Смит
9. Кирк Манро
10. Ним Кринкл
11. Анна Кэтрин Грин

Содержание

Глава	5
СОДЕРЖАНИЕ	6
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	7
ЕДИНСТВЕННАЯ ДЕВУШКА В ОВЕРЛУКЕ	12
ГЛАВА I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ингерсолл Локвуд

Одиннадцать возможных случаев. Антология

Глава

ОДИННАДЦАТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЕВ

Сборник рассказов

Франклин Файлз · Фрэнк Р. Стоктон · Джоакин Миллер

· Q. ·

Морис Томпсон · Ингерсолл Локвуд · Эдгар Фосетт ·

Брейнард Гарднер Смит · Кирк Манро ·

Ним Кринкл · Анна Кэтрин Грин

Перевод с английского

Публикуется по изданию 1891 года (Нью-Йорк)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Единственная девушка в Оверлуке

Франклин Файлз

2. То, что блесело

Фрэнк Р. Стоктон

3. Лев и львица

Джоакин Миллер

4. Обманутая Джульетта

Q.

5. Таинственная дружина

Морис Томпсон

6. Странные похождения миллиона долларов

Ингерсолл Локвуд

7. Пропавший день

Эдгар Фосетт

8. Трагедия сильнодействующих взрывчатых ве-

ществ

Брейнард Гарднер Смит

9. Благодарность лесного разбойника

Кирк Манро

10. Конец всего

Ним Кринкл

11. Следует ли ему на ней жениться?

Анна Кэтрин Грин

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта книга — перевод американского сборника «Eleven Possible Cases» («Одиннадцать возможных случаев»), выпущенного в Нью-Йорке в 1891 году. Идея сборника по тем временам была не то чтобы новой, но исполнена с размахом: собрать под одной обложкой одиннадцать никак не связанных между собой рассказов одиннадцати разных авторов, объединённых только общим условием — в основе каждого лежит происшествие, которое современники называли «возможным случаем»: не фантастика, не сказка, а нечто, что могло бы произойти на самом деле, хотя и происходит нечестно.

Отсюда и разнобой тональностей, который сразу бросается в глаза. Здесь есть чистая мелодрама («Единственная девушка в Оверлуке»), анекдот с моряцкой байкой и подвохом в хвосте («То, что блестело»), готическая новоорлеанская история с дуэлью и привкусом потустороннего («Таинственная дружина»), клубная комедия нравов («Пропавший день»), исповедь взломщика («Обманутая Джульетта»), апокалиптический триллер о конце света («Конец всего») и детективная головоломка без разгадки, где решать приходится самому читателю («Следует ли ему на ней жениться?»). Составители сборника, судя по всему, не столько выстраивали книгу вокруг темы, сколько демонстрировали читателю ши-

роту жанрового ассортимента, какой предлагала американская беллетристика на исходе века, — от салонной прозы до бульварного ужаса.

Авторский состав тоже неоднороден. Рядом с именами, что и сегодня кое-что говорят читателю, — Ингерсолл Локвуд, Фрэнк Р. Стоктон, Джоакин Миллер, Анна Кэтрин Грин, одна из основательниц детективного жанра в англоязычной литературе, — соседствуют авторы, чья слава не пережила своего века: журналисты и очеркисты вроде Нима Кринкла (псевдоним нью-йоркского критика Эндрю Карпентера Уилока) или писавшего под одной лишь буквой «Q.» (вероятнее всего, ранний псевдоним Артура Куиллер-Куча, хотя сборник и не даёт этому подтверждения). Для читателя XIX века это было в порядке вещей: журнальная беллетристика печаталась анонимно или под инициалами ничуть не реже, чем под полным именем.

При переводе я старалась придерживаться простого правила: передавать не только сюжет, но и голос — там, где автор нарочито литературен и высокопарен (как Джоакин Миллер в «Льве и львице»), русский текст тоже должен звучать приподнято; там, где автор нарочно сух и ироничен (как Локвуд в «Станных похождениях миллиона долларов»), лишняя красивость была бы предательством оригинала. Диалектную и ломаную речь персонажей — итальянский выговор Равелли, южный говор Кейса Хафнера, креольский french accent Жюля — я передавала не транскрипцией, а рус-

скими средствами того же порядка: нарушенным согласованием, характерными оборотами, — расчёт на то, что современный читатель считает акцент по манере речи, а не по фонетической записи.

Кое-где текст слегка адаптирован для сегодняшнего восприятия — там, где буквальный перевод синтаксиса или устаревшей идиомы звучал бы просто как перевод, а не как русская проза. Исторические реалии, географию, имена и культурный контекст эпохи я не осовременивала: пусть действие «Странных походов миллиона долларов» твёрдо стоит в Нью-Йорке 1850-х, а «Конец всего» пугает читателя приметами именно 1892 года — телеграфом, специальными поездами и вечерними газетами, а не смартфонами.

Сборник интересен сегодня не только сюжетами, которые местами наивны, но всё ещё держат в напряжении. Это ещё и слепок вкуса эпохи: сборник заведомо задумывался как чтение для гостиной, для журнального столика после обеда, — и по нему видно, чем именно хотел щекотать себе нервы образованный американец на исходе девятнадцатого века. Читайте на здоровье.

Н. Г.

ЕДИНСТВЕННАЯ ДЕВУШКА В ОВЕРЛУКЕ

Франклин Файлз

ГЛАВА I

У единственной девушки в Оверлуке было два имени. В лицо к ней обращались не иначе как «мисс Уорринер». За глаза — чаще «Мэри Крошка». Причина этого раздвоения открывалась с первого взгляда на саму мисс Мэри Уорринер: она сидела на высоком табурете за грубо сколоченной конторкой, под навесом из неструганых досок, и быстрыми пальцами выстукивала ключ телеграфного аппарата. В её манере держаться было безупречное, тихое спокойствие, которое у человека постарше и покрупнее сошло бы за внушительное достоинство, а здесь, при восемнадцати годах и неполных ста фунтах веса, всё равно требовало к себе уважения. Поэтому мужчины в её присутствии не решались называть её иначе как «мисс Уорринер». Будь она чуть менее похожа на величавую барышню в миниатюре и чуть больше на ребёнка, каким была ростом; занимайся она делом не столь близким к точной науке, как телеграфия, и не столь далёким от детских забав; вейся её каштановые волосы свободно, а не собирайся тугим узлом; доходи её юбки до щиколоток, а не почти до земли — тогда прозвище «Мэри Крошка» могли бы произносить и при ней, а не только за спиной, как это делали те, кто метко подметил её маленький рост. Среди обитателей Оверлука, приглядывавшихся к её сдержанности, наверняка встречались разные мнения на этот счёт, но тот, кто решил

бы, что эта манера — всего лишь напускная броня девушки среди двух сотен мужчин, ещё не пробовал добиться от неё чего-то большего, чем простая учтивость.

Оверлук был лагерем временным и грубо сколоченным. Здесь готовили полотно для новой железной дороги — работа выходила необычная, требовавшая на редкость много ума при сравнительно скромной доле грубой силы. Именно те, кто трудился головой над этим замечательным инженерным замыслом, — или хотя бы распоряжался чужими руками, — приходили с поручениями к телеграфному навесу, и для них Мэри принимала и отправляла депеши. Затерянная колония рабочих лежала в ста милях глуши, среди гор и леса, но от главной конторы строительной компании в большом городе её отделяли не мили, а считанные секунды — ровно столько, сколько нужно электрическому току, чтобы пробежать провод.

— Вам непременно нужно дождаться ответа? — спросила Мэри, отстучав последнее слово депеши. — Прошёл уже час с тех пор, как ушла ваша первая телеграмма, а они, похоже, вовсе не торопятся.

В её ясном, мягком голосе не было ничего, кроме вежливого безразличия. Синие глаза, широко раскрытые, поднявшиеся от бумаги на собеседника, не выражали ни смелости, ни робости. На губах, произнёсших этот вопрос, не читалось ни улыбки, ни недовольства. Ей было решительно всё равно, уйдёт он или останется, хотя сам вопрос как бы намекал, что

уйти было бы кстати.

— Я бы лучше побездельничал здесь, если вы не против,
— ответил Джеральд Хит.

Тут спокойная девушка выдала свою настороженность коротким, быстрым взглядом — таким незаметным, что предмет её наблюдения так и не узнал, что его разглядывают. Впрочем, она тут же убедилась, что не она была причиной, по которой он остался, — он сказал: — Я объясню, почему меня так волнует эта телеграмма и почему я тороплю с ответом.

Дожидааясь его, Джеральд Хит от нечего делать лениво привалился к самодельной конторке телеграфистки и от скуки строгал гладкую берёзовую жердь, из которой была сколочена её кромка. Он щепал и подрезал дерево — так, как это делают все, для кого острый складной нож и кусок дерева служат утешением. Разговора почти не было — лишь несколько слов о депешах. Но тут он выпрямился во весь свой шестифутовый рост, и стала видна вся стать его крупного, ладного тела. Прежде девушка по другую сторону конторки не успела разглядеть, каков он на самом деле. Она отметила про себя и то, что стоило бы ему привести себя в порядок — сбрить неопрятную щетину, сменить поношенный вельвет на приличное платье, обуть начищенные сапоги вместо пыльных обносков да надеть цилиндр, — и он вышел бы вполне видным молодым человеком, чьим невниманием впору было бы обидеться. К такому выводу она пришла, ни-

чем не выдав, что её равнодушный на вид взгляд успел составить об этом какое-то мнение. А пока он выглядел на редкость рослым и крепким образчиком тех мужчин, которых оторванность от городской жизни делает похожими на дикарей. Не успел он вымолвить и слова, как она поняла: все его мысли поглощены телеграммами и вовсе не заняты тем, кто его слушает. Она была для него не просто не причиной задержки — с тем же успехом на её месте могла бы оказаться старуха, дурнушка или мужчина, лишь бы у них были уши.

Стоял летний день, ясный и тёплый, как и полагалось этой поро. Полог, прежде укрывавший навес, сняли, и он стоял теперь открытый со всех сторон, а спереди свисали ветви двух деревьев, к чьим мощным стволам он был прислонён. Джеральд Хит поднял обе руки и отвёл листву в сторону.

— Отсюда всё видно, без помех? — спросил он. — Знаете, мне доводилось прокладывать дороги в таких местах, где и мили в день для поезда было бы уже стыдно. Я проектировал маршруты, для которых стоило бы пускать особые поезда — для пассажиров, у которых есть глаза: поезда со скоростью где-то между sixtyдесятью милями в час и sixtyдесятью часами на милю. Просто безобразие — гнать людей мимо Оверлука, не давая им как следует разглядеть то, что мы сейчас видим. Вот почему я месяц назад написал президенту компании: небольшое отклонение от намеченной линии позволило бы пассажирам увидеть именно этот вид. Он спросил, насколько удлинится путь по моему плану. «На сто

ярдов», — ответил я. И приложил карту: пути, выйдя из туннеля, могли бы сделать небольшой крюк как раз к этому месту, вместо того чтобы огибать груды скал, которая полностью закроет вот это... — и широкий взмах руки довершил его жест в сторону пейзажа.

Названия, придуманные наспех, часто оказываются самыми точными. Лагерь дорожных строителей в нетронutom прежде краю редко называют случайно. Городу, что вырастет позже на том же месте, могут дать имя вовсе без смысла — просто чтобы прижилось, — но временные названия почти всегда рождаются из чистого наблюдения. Так вышло и с Оверлуком. Дорога проходила туннелем сквозь гору и выныривала на высоте тысячи футов над широкой долиной. Мэри изо дня в день, с утра до вечера, сидела лицом к этому виду. Поначалу он поражал её и восхищал, но привычка притупила остроту впечатления. А теперь, стоило показать его заново, он открылся ей как в первый раз. Джеральд Хит стоял, отводя ветви, заслонявшие часть пейзажа, — точно распорядитель выставки, представляющий какое-то на редкость огромное и прекрасное полотно. Вдали громоздились холмы, один за другим, оставляя лишь узкую полосу неба под самым краем навеса — так, как её видела телеграфистка со своего места. Разрозненные черты дикого края, изда- лека суровые и нечёткие в подробностях, ближе к передне- му плану обретали ясность, обрамляя бурную, изломанную реку с такой стройностью, точно эти линии кто-то нарочно

расположил. Оверлук стоял так высоко на отвесной горе, что ближний план, лежавший почти прямо под ногами, выпадал из поля зрения Мэри, и зритель оказывался прямо на площадке перед огромным полотном, слишком просторным для обычного показа. Но формы и краски, величие и красота этой картины были такими, каких человеку никогда не воспроизвести.

Джеральд Хит не создавал этот пейзаж, но держался с видом первооткрывателя и, отвернувшись от вида к Мэри Уорринер, поглядел на неё почти как коллекционер, с гордостью демонстрирующий лучшую вещь своего собрания. Выражение восхищения на её лице, тихое и сдержанное, вполне его удовлетворило — но лишь на короткий срок: затем след удовольствия исчез с её лица, точно его согнала резкая боль. Заметной эту перемену делала не сила её, а быстрота, ведь сама по себе она была едва уловима. Джеральд невольно обернулся посмотреть, что тому причиной.

В картину вторглась человеческая фигура. В нескольких шагах перед хижиной стоял мужчина. На фоне далёкого пейзажа он был огромным, а тень деревьев на фоне льющегося отовсюду солнечного света делала его почти чёрным, дьявольского оттенка. На миг он застыл силуэтом, и так вышло, что его резкий профиль — с кончиками усов и бородкой — выглядел зловеще, придавая случайной позе оттенок злого умысла. Наваждение было почти пугающим, но длилось недолго: фигура тут же превратилась в самого обыкновенно-

го Тонио Равелли, вошедшего под навес.

— Я не помешал? — спросил он с итальянским выговором и итальянской же повадкой. — Наверное, нет, а? Это есть место дело.

Небольшая неделовитость, на миг позволенная себе Мэри, тотчас исчезла. Она взяла клочок бумаги, положенный Равелли на конторку, и без единого слова перевела написанное в телеграфные щелчки. Равелли был субподрядчиком, и это была одна из его частых депеш в городскую контору компании. Ответ обещал прийти незамедлительно, и он остался ждать.

— Чтобы оценить этот вид по-настоящему, — продолжал Джеральд Хит, обращаясь теперь прямо к Мэри и нарочито не замечая Равелли, на чьё приветствие едва ответил, — нужно застать его врасплох, как это однажды случилось со мной. Мы месяцами долбили и рыли гору насквозь. Каждый день в этой яме был как отсидка в тёмном, сыром каземате. А ваши люди, Равелли, там, внизу, были похожи на партию каторжников.

— Вы бы не посмели сказать это им в лицо, — огрызнулся Равелли с намеренной дерзостью.

— О, я вовсе не хотел их обидеть, — сказал Джеральд, не обращая внимания на его задиристость. — Мы все выглядим разбойниками в грязи и слякоти туннельных работ. А ваша ватага смуглых итальянцев под землёй и подавно смахивает на чертей.

Джеральд поддел Равелли скорее по неосторожности, чем со злым умыслом. Между ними давно тлела неприязнь, выросшая из трений между их обязанностями — инженеру по долгу службы приходилось критиковать работу субподрядчика. Но до сих пор они ни разу не ссорились, и Джеральд не видел в сказанном ничего, что оправдывало бы вспышку гнева, которую, судя по всему, искал Равелли.

— Придержите-ка язык за зубами, — процедил Равелли.

— Пожалуй, вы правы, тем более что рядом дама.

— Именно поэтому я и требую, чтобы вы обращались со мной как с джентльменом.

Похоже, ему было особенно важно, как он выглядит в глазах Мэри Уорринер.

— Как с джентльменом? О, я обойдусь с вами как с двумя джентльменами сразу — так вежливо. — И Джеральд снова принялся невозмутимо строгать берёзовую жердь. — Я как раз хотел рассказать, как мы наконец пробили скалу в конце туннеля, и я как раз оказался там. Взрыв вырвал в стене проём в несколько футов шириной. Сквозь дым мы увидели дневной свет. Мы ринулись вперёд по обломкам камня, расталкивая друг друга, чтобы выйти первыми. Это ведь были вы, Равелли, не так ли, с кем я тогда сцепился? Да, мы вместе протиснулись в пролом. Вы пытались оттолкнуть меня назад. Не смогли, конечно, не смогли, — и по тому, как рассказчик упомянул о собственной силе, было видно, что без доли презрения тут не обошлось.

— Это была просто шутка, — с улыбкой пояснил Равелли Мэри, а потом мрачно взглянул на Джеральда: — Была бы это настоящая драка... — иной исход дела он обозначил, лишь стиснув кулаки и злобно скрипнув зубами.

Не оставалось сомнений: Равелли не выносил, когда его унижали при Мэри. Но и она, и Джеральд остались одинаково равнодушны к этому проявлению ярости.

— Ни один узник не радовался побегу так, как я — тому, что вырвался из тёмной, зловонной ямы на чистый воздух, — продолжал Хит. — Я прибежал прямо сюда, и... что ж, вид открылся точно такой же, как сейчас. Это было как выйти из мрака к свету.

Восторженные слова молодого человека прозвучали без особого воодушевления, но искренности в них хватило, чтобы поверить. Он перестал строгать, нож так и остался лежать на конторке, а сам он прислонился спиной к жерди, опершись на неё обоими локтями.

— Вот я и пишу президенту компании, уговариваю его чуть отклонить маршрут, чтобы пассажиры, выйдя из туннеля, могли увидеть пейзаж, ради которого не жаль было бы проехать лишнюю тысячу миль, — а тут довольно и нескольких лишних футов пути. Сегодня последний день, когда ещё можно изменить проект. Завтра будет поздно. Вот почему я телеграфирую с такой настойчивостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.